

18+

21 ДЕНЬ

КОЧЕШЬ ЛИ ТЫ ИЗМЕНИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ?
ГОТОВ ЛИ ТЫ ПРИНЯТЬ СВОЮ СУДЬБУ?

АРТЁМ ПОСОХИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Артём Посохин

21 День (рассказ)

<https://litres.ru/73993346>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ «21 ДЕНЬ»

Мартин уходит от погони. Истекает кровью. Судьба, или Робот-монах, или кто-то другой бросает ему под ноги шанс в виде фиолетового браслета. Но есть правила. Есть условия. Он соглашается — подыхать не хочется. Дальше — тишина, роботы, фиолетовый ад под видом рая. Сбежать? Остаться? Вопросы, требующие искренности с самим собой.

От автора.

Вышло жёстко, сбивчиво и по-своему честно — психологическая антиутопия с привкусом киберпанка и налётом нуар-триллера.

Я не писал этот рассказ, чтобы кому-то понравиться. Я писал его, чтобы проверить себя — эксперимент: стиль, язык, посыл.

Без цензуры. Без компромиссов.

Таким получился Мартин. Таким характером обладал в моей голове текст. Быстро и увлекательно.

Приятного прочтения!

Содержание

	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Артём Посохин

21 День (рассказ)

1

В груди вместо сердца — метроном. Бам-бам-бам. Отсчитывает последние секунды до того момента, когда свинцовые пчелы долетят до моей головы. Сделают из неё свой улей. Матку будут выбирать. Голосование. Тайное, блядь, демократичное. Кто больше нажужжит — та и главная.

Вместо мозгов — соты. Аккуратные. Шестиугольные. Идеальная геометрия там, где раньше был просто бардак. Вместо мыслей — мёд. Липкий, сладкий, с привкусом гнили. Вместо воспоминаний — личинки. Белые. Жирные. Копошатся там, где ещё вчера было лицо матери, вкус первого поцелуя, запах дома, которого больше нет.

Личинкам плевать на ностальгию. Они жрут. Растут. Ждут.

Бам-бам-бам. Это мой метроном ещё барабанит? Или пчелы уже пробуют стенки черепа на прочность? Примеря-

ются, где прогрызать ходы к сотам.

Пока жив.

Кровь во рту — солёная, с привкусом ржавчины и желчи. Бедро горит. Сквозное? Касательное? Нет времени проверять. Чувствую одно: через эту дыру вытекает жизнь. Вместе с последней надеждой дожить до рассвета.

В больницу нельзя. Там точно встретят. Вежливые люди с ксивами или злые — те, у которых я спиздил реликвии. И те, и другие, придут со шприцом. Усыпят, как бешеного пса. Навеки вечные. Аминь.

Ноги — два бетонных столба. Тащу их волоком. Петляю по пригороду, ныряю в темноту. Гаражи. Склады с чужим хламом. Трансформаторные будки, где провода гудят, как нервы перед припадком. Бегу как заяц. Знаешь таких зайцев? Лапу уже отрезали. На сувенир. Чтобы удача грела пальцы в кармане.

Я не строю из себя святого. Виновен. Каюсь.

Лёгкие деньги — как половой акт с проституткой за вокзалом. Быстро, грязно, и потом полгода лечишься. В лучшем случае.

А смерть — это не проститутка. Смерть — это толстая баба в ватнике. Наваливается всем весом и тащит вниз. К асфальту. К земле. Она наверняка прикупила мне лопату. По акции. Две по цене одной. Второй — мне копать?

Расплачиваться будет моими же органами. Если они ещё на что-то годятся.

Но пока метроном в висках стучит. Бам-бам-бам. Перебивает их бах-бах-бах за спиной. Бегу. Зигзагом. По сумраку города, где фонари горят как свечи. За упокой.

Бам-бам-бам. Бах-бах-бах.

Посмотрим, кто из нас погрузится в вечную тишину первым.

2

Взгляд привлекает вывеска. Горит неон. На стене, покрытой копотью: «БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ». Здание красивое. Высокое. И недавно здесь был пожар. Двери, калитка — всё обмотано жёлто-чёрной лентой. Трепыхается на ветру, как флаги величайшей империи.

Подбегаю. Дёргаю ручку. Бинго. Открыто.

Что за церковь — мне насрать. Я атеист. Но... Бог, если ты есть — я заплачу. Кровью. Уже плачу, по полной. Капаю на крыльцо.

Кровь на белых ступенях — смотрится выигрышно. Контрастно.

Вбегаю внутрь. Запах гари бьёт в нос. Ни души. Замечательно. Ускоряюсь. В дверь за спиной впиваются пара пуль. Пчёлы. Жаждащие обрести улей. Каждый шаг отдается в бедре вспышкой боли. Бам-бам-бам — это уже не метроном, это я ногами по полу. Хватаюсь за перила. Скользко. Ру-

ки потные, липкие. Теперь ещё и в саже. Ташу себя наверх. Лестница изгибается, как удав, который решил, что кролик сам забежал в разинутую пасть. Ну что ж давай, давись.

Второй этаж.

Красиво. Сука, как красиво. Выставка. Картины сажей и известью. Прямо поверх недавно обгоревших стен. Библейские мотивы. Авраам режет Исаака. Иуда целует Христа. Апостол Петр отрекается. Знакомые всё лица. Я тоже сегодня отрекаюсь. От страха. Оставил его там, снаружи, вместе с пролитой кровью.

Сдохну в доме Бога. Пусть не моего. Или моего? Крестили вроде. Бабка водила. Пахло ладаном и воском. Примет? Наверное, примет. Он же всепрощающий. Репутация у него такая.

Или нет? Что на это сказали бы посредники? Посредников здесь не наблюдаю — спят наверное.

Здесь тишина — как в склепе, где недавно кого-то оплакивали.

Пробегаю мимо тумбы. Невысокая, деревянная, обгоревшая по углам. На ней — фотография в рамке. Стекло треснуло, но лицо видно. Мужчина. Лет шестидесяти. Улыбается. Не той улыбкой, которой улыбаются для фото, а той, которой улыбаются, когда действительно счастливы.

Рядом — свечи. Догорают. Оплывший воск застыл на дереве, как слёзы. Огоньки дрожат, хотя сквозняка нет.

На стене, прямо над тумбой, надпись. Краской. От руки.

Крупно:

«МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ ТЕБЯ ВЕЧНО. ТЫ СДЕЛАЛ СОТНИ ЛЮДЕЙ СЧАСТЛИВЕЕ».

Сотни людей. Счастливее.

А я? Я делал людей счастливее? Когда? Когда крал их реликвии? Когда удирал, оставляя за собой кровавый след?

Бам-бам-бам за спиной. Преследователи совсем близко.

Я смотрю на фотографию. На этого мужчину, который улыбается сквозь треснутое стекло. Который сделал сотни людей счастливее. И которого теперь помнят только свечи и надпись на обгоревшей стене.

— Мне жаль, что так вышло, — говорю ему.

Сам не знаю зачем.

И бегу дальше.

Забегаю в зал. Скамейки. Рядами. На каждой лежат скомканные пледы и молитвенники. По углам полки. Ряды книг до потолка. Кто это всё читает? У кого есть столько времени? Люстра. Хрустальная. Гроздьями свисает, как сопли с носа пьяного ангела. Свет тусклый. В самый раз для надвигающейся развязки со смертью в главной роли.

Сажусь на первую лавку. Дерево твердое. Наверняка задница затекает, когда долго молишься. А я не молюсь. Я считаю.

Достаю магазин.

Щелчок.

Патроны.

Раз. Два.

Всего два, блядь.

Один — для первого ублюдка, что сюда ворвется.

Второй — для меня.

Так получается?

Вздрагиваю.

Где-то над головой зажужжало. Смотрю вверх. Там старенький проектор. На стене, прямо передо мной, возникает человек. Не живой. Проекция. Кино на потрескавшейся штукатурке.

Проповедник. Или типа того. Я не силён в тонкостях... Судя по кресту, возможно католик. Знаете, такой: худощавый, прилизанный, хоть и лысеющий, в очках. Говорит что-то тихо-тихо. Шевелит губами. Благословляет пустоту.

Кого ты благословляешь киношный персонаж? Меня? Или тех, кто сейчас войдёт сюда с оружием на изготовку?

Я смотрю на него, на этого актера из старого кино, и мне становится смешно. Почти смешно.

Он говорит о любви. Часть слов я читаю по губам. Любовь. А у меня в магазине два патрона и дыра в ноге, через которую жизнь вытекает быстрее, чем я успеваю думать.

Бам-бам-бам откуда-то с первого этажа. Шаги? Или стучит в висках. Уже не разобрать.

Скоро они войдут. А я буду сидеть на первой скамье, слушать проповедника и решать, кто из нас двоих — я или первый вошедший — получит свой личный, именной кусочек

свинца.

Посмотрим, чья вера крепче.

Проекция на стене тем временем разглагольствовала. Прилизанный, в очках, с лицом человека, который никогда не пробовал крови на вкус, но очень любит рассказывать, какая она плоть и кровь...

— Хочешь ли ты изменить свою жизнь?

Голос стал вдруг громче. Раньше немой, а теперь — прям театр. Я смотрю на него, на этого умника из света, и чувствую, как из бедра вытекает последнее терпение.

— Да, — отвечаю ему.

— Готов ли ты принять мудрость? — он картинно разводит руками и хитро улыбается.

— Да, мать твою!

— Пройти простое, но важное испытание за двадцать один день? — уточняет он, приподняв бровь. Спрашивает: — Готов? Ибо ответив «да», ты ступаешь на путь исправления.

Я смотрю на дверь. Там, снаружи голоса. Мелькают лучи фонарей. Счёт идёт на секунды. Смотрю на патроны. Два. Смотрю на него.

— Да-да-да. Твою мать, да. Только быстрее, блядь.

Он улыбается. Словно скалится. Зубы белые, ровные, дорогие. На такие зубы можно купить хороший дом в пригороде. Знаешь, там ещё беседка с мангалом на заднем дворе. И гараж на две машины.

— Тогда возьми подарок судьбы, — проповедник указывает себе под ноги раскрытыми ладонями.

Я шурю. Там ничего нет. Пустой пол. Тени от люстры. И тут — дзынь. Металл об пол. Баночка. Небольшая, блестящая. Подпрыгнула пару раз и покатила ко мне. Как шайба. А я — вратарь, который забыл клюшку дома.

Шелест по мрамору. Останавливается у ног.

Наклоняюсь. Поднимаю. Кручу. Крышка открылась легко. Внутри — браслет. Фиолетовый. Каучук. На нём квадратный циферблат, как у дешевых электронных часов из перехода.

— Надень на запястье, — подсказывает проповедник.

Голос его звучит ровно в тот момент, когда мои пальцы касаются этой херни. Он словно видит меня? Даже отсюда, из своей проекции, видит каждое движение. Или просто знает. У них тут камеры наблюдения что ли?

Осматриваясь по сторонам, надеваю браслет. Каучук облегает руку. Теплый. Гладкий.

Хочу спросить: «И чё мне с этим делать? Умирать так веселее? От пуль защитит?»

Но, в этот момент, экран на браслете начинает моргать. И появляется, светящаяся белым надпись: «День 1».

— Беги, — раздаётся из браслета. Голос как из радиоприемника, который нашли в помойке. Хрипит, но командует.

— Куда? — ору я на стену. На проекцию. На весь этот гребанный театр.

— Через окно. Спрыгни на конусообразную крышу. На ней пожарные ступеньки. По ним доберешься до козырька над входом. Там по водосточной трубе спустишься на землю.

Голоса за спиной. Ближе. Шаги по лестнице. Тяжелые. Решительные.

Окно высоковатое. Придвигаю лавку. Дубовая, старая, на ней, наверное, бабки молились, пока я, будучи ещё подростком, по притонам шлялся. Пододвигаю к окну. Залезаю. Носки скользят по стене. Распахиваю ставни. Холодный воздух бьет в лицо.

Не успею. Точно не успею.

Выстрелы. Там, в коридоре.

Бах-бах-бах-бах. Очередь. Скрежет металла по мраморному полу. Крики. Вопли. Кто-то орёт матом. Кто-то просит пощады.

И тишина.

Резко. Как будто выключили звук. Как будто прокололи обе перепонки разом.

— В окно. По пожарной лестнице. Вниз, — повторяет браслет. Спокойно. Как экскурсовод в автобусе.

Я повинуюсь.

Потому что другого выхода нет.

Да и силы на исходе. Бам-бам-бам уже не метроном. Просто стук в висках. Тише. Тише. Ещё немного — и заткнушь навсегда.

Скатываюсь. Даже шага не сделал — просто съехал по конусообразной крыше, мокрой и скользкой как медуза.

Лечу вниз, хватаюсь за воздух, за ржавый лист — палец вскрывает, как крышкой консервной банки.

— Блять...сука!

Боль. Кровь. Ещё кровь. В моём теле её становится всё меньше.

Хватаюсь за ступени пожарной лестницы. Железо дребезжит. Раненая нога — просто кусок мяса, который я тащу за собой. Не нога, а балласт.

Добираюсь до последней ступени. Разжимаю пальцы. Падаю вниз. Козырёк. Хватаюсь за трубу. Она тоже скользкая. Плюс моя кровь.

Срываюсь.

Падение. Вспышка. Земля — твёрдая. Спина выгнулась дугой. Пытаясь вдохнуть, я смотрю в небо и анализирую состояние позвоночника. Вроде не сломал.

Поворачиваю голову. Всё плывёт. Мир — как аквариум, по которому кто-то ударил кувалдой.

— Двадцать метров прямо, — сообщает браслет. Голос спокойный, как в лифте. — Затем направо. Полтора километра до...

Я замираю. Перестаю слушать. Смотрю.

Кованый забор. За ним — трое. Громилы. С оружием. Смотрят на меня. Улыбаются. Узнали. Конечно, узнали.

Ну вот и прибежал. Сам упал, можно сказать с неба в их лапы.

Голова кружится. Силы кончились ещё на той лестнице. Спасать задницу? Моя задница уже подписана, упакована и ждёт отправки. Осталось только пчёл впустить в улей и марку наклеить на лоб.

Похер. Вот честно.

Я смотрю в небо. Облака рваные, как старый брезент. Луна — дырка в этом брезенте, через которую подглядывает тот, кому мы все должны.

Смеюсь.

— Это твоё спасение? — ору в небо. — Заебись! Спасибо! Качественно работаешь!

И тут двери церкви — БА-БАХ! — открываются настежь.

В проёме — фигура. Метра два с половиной. Может, три. Если бы я не валялся на земле, я бы, наверное, упал или обосрался. Но я уже валяюсь, так что просто смотрю.

Одеяния, как у монаха — серая мантия. На ней пятна крови и сажи. Свежие. Но монахи такими не бывают. Слишком высокий. Слишком прямой. Слишком... не человек.

Браслет на моей руке сигналил. Вибрация и писк.

Фигура поворачивает голову. В мою сторону.

— Я помогу.

Голос — из браслета. Не от великана. От него вообще ни-

чего не исходит. Он просто стоит и смотрит. Трёхметровый монах. Лица не видно — капюшон глубокий. Но чувствую: смотрит.

Верзила у ворот само собой замечают его. Передёргивают затворы. Щерятся. Входят на территорию.

Трое против одного. Три ствола против... чего? Против испачканного здоровяка.

Монах метнулся.

Скорость — нечеловеческая. Я даже не увидел движения. Просто — он здесь, и вдруг — он уже там. Руки? Не руки. Металлические клещи. Схватил первого за голову. Повернул кисть, против часовой. Знаешь, как открывают бутылку содовой. Шипение. Шея — хруст — и тело падает мешком.

Второй — то же самое. Даже выстрелить не успели.

Третий выпустил короткую очередь в монаха переростка. Безрезультатно. Тогда он побежал прочь. Умный. Но недостаточно быстрый.

Два прыжка. Монах настигает его. Вопль последнего отчаяния и страха.

Тишина.

Я лежу на земле, смотрю в небо. Пока обзор не закрывает монах. Он наклоняется. Тень капюшона сползает — и я вижу лицо. Металлическое. Без возраста. Без выражения. Глаза — как две пули, которые уже нашли свою цель.

Монах стоит надо мной. Изучает меня.

— Как самочувствие? — спрашивает браслет.

— Нормально, — говорю. — В полном ахуе, но нормально.

Вру, сам не знаю зачем.

Сознание — как вода из ванны. Уходит. По кругу, по спирали, с противным чавкающим звуком на прощание.

Я ещё вижу эту тень. Трёхметрового монаха с металлическими щупальцами вместо рук. Трупы на асфальте. Луну меж облаков.

А потом — темнота.

Не чёрная. Не белая. Просто — выключили реальность. Как телевизор в гостиничном номере, когда кончились деньги на порнуху.

Может, я умер?

Если честно — даже не больно. Вообще ничего. Ни пульсации в бедре, ни жжения в ладони, ни этого грёбаного бам-бам-бам в висках.

Тишина.

Просто — стоп.

И где-то далеко-далеко, как эхо в пересохшем колодце, последняя мысль: «Браслет... День первый...».

А может, это уже не я думаю. Может, это личинки в моих бывших мозгах шевелятся. Пробуют новый дом на вкус.

Моё сознание плавает, как говно в канализационной трубе. Так долго. Так мутно. Бесконечно. Сплю или не сплю. Умер или...

— День второй, — говорит голос из браслета.

Или мне это кажется.

Или это личинки празднуют новоселье.

Или... уже неважно.

4

Очнулся.

Из ниоткуда — в фиолетовое. Потолок фиолетовый, стены фиолетовые, пол — уверен, тоже. Лежу не в гробу или земле. Лежу на кровати. Широкой. Удобной. Слишком удобной для человека, который должен был сдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.